

Майя
CAMMER

ОГОНЁК ДЛЯ ПАПЫ
двух непосед

Майя Саммер

Огонёк для папы двух непосед

<https://litres.ru/74220947>

Аннотация

- Моим детям нужна няня.
- А я тут причём?
- Притом, что ты единственная смогла убедить мою старшую дочь сделать то, чего она делать не хотела.
- И что? На это способна любая няня с педагогическим образованием. Неужели у вас денег нет на квалифицированного педагога?
- Он скалится. В прямом смысле этого слова. Мне снова становится страшно.
- Деньги есть. Проблема в кадрах.
- Ну тогда я точно ничем не могу помочь. У меня нет педагогического образования. И работа уже есть. Так что, прошу прощения, но мне нужно идти.
- Я поднимаюсь, чтобы уйти, но он подцепляет ногой ножку моего стула, и я вынужденно опять плюхаюсь на попу.
- Эй! – возмущенно вскрикиваю.
- Я ещё не закончил. Образования у тебя действительно нет. И не будет, если не согласишься. Это твой единственный шанс на достойную жизнь.

В тексте:

Любовный треугольник

Близняшки непоседы

Холодный мужчина с горячим сердцем

Однотомник.

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	20
5	24
6	29
7	36
8	41
9	46
10	50
11	55
12	60
13	65
14	71
15	77
16	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

1

Воспитать ребенка – не выпустить цыпленка.

– Кара, давай быстрее! – восторженно шепчет детский голос.

День не задался с самого начала. Теперь вот это.

Я в полном шоке останавливаюсь как вкопанная. Годы переработок и круглосуточных смен дали о себе знать. От усталости меня накрыли галлюцинации?

Ну не могу же я серьёзно слышать детские голоса в пустынном парке?

Пелена белой пороши с утра накрыла деревья, лавочки, дорожки.

– Стараюсь как могу! – пыхтит второй голос.

Они похожи, но всё равно немного разные.

– Ну, копай же!

Нет, я точно схожу с ума. Дорожка уходит вдаль, а голоса слышатся из подлеска. Где я конкретно нахожусь, не знаю. Мне нужно в зал для прощания, он должен находиться прямо за парком, но его нигде не видно.

Хотя я шла по той дорожке, на которую указал мне организатор, и никуда не сворачивала. Так как я оказалась здесь? Непонятно.

Мне нужно спешить. Я должна поддержать подругу. Она

потеряла отца. И хоть отношения у них были натянутые, отец есть отец.

Это для меня он чужой человек, а для неё и её брата – родной. А это всегда тяжело.

– Тyani его! Он же сейчас убежит! Тyani! – девочка старается говорить тихо, но от эмоций неосознанно почти кричит.

Кроме голосов я слышу возню, шелест веток и топот детских ножек.

Вообще, в связи с профессией я мало чего боюсь. Пять лет на факультете педиатрии и почти шесть лет в скорой помощи закалят любого. Я много раз выезжала на констатацию или совсем уж на безнадёжные случаи.

Вот и сейчас мне не страшно, а скорее любопытно.

Да и пусть пасмурный, но день не добавляет страхов. Осторожно схожу с каменной дорожки и иду на голоса.

За вековыми деревьями вижу двух девочек, которые что-то увлечённо копают. Чтобы поверить в увиденное, придется потереть глаза.

Они одни. Рядом никого из взрослых не видно.

– Что за?.. – тяну я и делаю ещё пару шагов.

До детей мне остаётся всего пару метров, когда одна из них меня замечает. Маленький ротик округляется, а глаза бегают из стороны в сторону. Похоже, ничего сверхъестественного здесь не происходит. Обычные детские шалости.

Пока первая девочка придумывает убедительное объяснение, вторая в запале меня вообще не замечает. Она продол-

жает раскапывать яму.

– Получилось! – кричит она и достаёт что-то волосатое и уродливое.

Мне бы, как нормальной девушке, заорать или в обморок упасть, но с детства на любые стрессовые моменты я замираю. Вот и сейчас просто молча смотрю на свисающую с рук девчонки тушку какого-то зверька с чёрной шубкой и большим носиком.

Глаз у него нет. Лапы широкие, а коготки довольно длинные.

Я быстро-быстро в уме перебираю весь справочник по зоологии, что мне дарили в детстве. И до меня, наконец, доходит, что я вижу перед собой.

На меня смотрит, точнее, не смотрит, ведь он слепой, обычный садовый крот.

Крот! Чтоб его!

Эти две мелкие пигалицы откопали крота! Руками!

– Ой, тётя! Смотрите, какая страшная собачка! – хвастается девочка, поднимая свою добычу повыше.

Я нервно сглатываю.

– Милая, это не собачка, а крот. И его нужно отпустить.

– Нет! – ту же топает ножкой девчонка, вторая у неё за спиной. – Он будет жить у нас дома!

Сразу видно, кто из них главная. Хотя они похожи как две капли воды внешне, но что-то в выражении лиц или наклоне головы позволяет мне различить их.

– А вы под землёй живёте? – я едва заметно выгибаю бровь.

– Мы живём в доме.

– Ну вот, представьте себе, что кто-то вытащит вас из вашего дома и отнесёт в незнакомое место, где вам будет плохо. И заставит вас там жить.

Предводительница этого балагана явно задумывается. Поптичьы поворачивает голову набок.

– Но я не хочу его выпускать! Вдруг я забуду, как он выглядит.

– Да, это серьёзно, – киваю я. – А давай я вас сфотографирую с ним и отправлю это фото вашим родителям? Они его распечатают и вам отдадут.

– Хорошая идея, – серьёзно кивает та девочка, что стоит за спиной сестры. – Я, кстати, Лина. А это моя сестра Кара.

Хм. Кара и Лина. Интересный подбор имён. Девочки встают рядом. Их чёрные платья запачканы землёй, про колени вообще говорить нечего. Руки грязные, у Кары даже на лице чёрный след.

Они улыбаются, протягивая мне в камеру телефона обвисшего тряпкой крота. Кажется, он смирился со своей участью и только едва заметно подрагивает задними лапками.

Сделав несколько снимков, я киваю им. И девочки прощаются со зверьком, кладут его в раскопанную лунку и идут за мной обратно на дорожку.

– М-да. Вам нужно помыть руки и почистить платья.

Я достаю из сумки влажные салфетки и насколько могу чищу им одежду, вытираю руки. Под ногтями всё равно остаются чёрные ободки, но это хотя бы что-то.

– А где ваши родители?

– Там, – машет рукой Кара. – Но у нас только папа.

– Он сказал нам ждать на лавочке, но нам стало скучно, – поясняет Лина.

Только папа? Это многое объясняет.

Представляю, как отцу этих искательниц приключений тяжело, но это не повод оставлять их одних! Особенно в таком месте!

– Ладно. Пойдёмте поищем вашего отца, – многообещающе тяну я и беру девочек за руки.

В голове крутятся всякие цензурные и не очень слова. Дети – это ответственность, которой отцу этих девочек явно не хватает.

Мы поворачиваем на широкую аллею, и я, наконец, вижу зал прощаний. Он чёрной махиной возвышается среди деревьев, и я понять не могу, как не заметила его раньше! Там же скамейка, на которой оставили детей.

Начать искать решаю от неё.

– Эй ты! Киднеперша! Немедленно отпусти моих детей, – тихо, но оттого не менее страшно шипит надвигающийся на меня бугай в два метра ростом.

– Немедленно отпусти их! – повторяет бугай, а мне вот ни хрена уже не страшно.

– Как ты меня назвал? – в тон ему отвечаю. – Да я на тебя в опеку заявлю за то, что не следишь за детьми!

– Ты кто такая?

– Я педиатр! И уж поверь, к моим словам в органах прислушаются, – фыркаю я. – Детей до двенадцати лет по закону нельзя оставлять одних! А этим девочкам – шесть-семь!

Мужчина хмурится. Озадачено переводит взгляд с одной девочки на другую.

– Каролина, Ангелина, о чём говорит эта странная женщина?

– Странная?! – возмущаюсь я. – Да я тут самая адекватная!

Девочки меняются на глазах. Они складывают бровки домиком, а губки бантиком, делая вид, что они самые послушные дети на планете.

– Кара, не хочешь рассказать отцу, чем вы занимались с сестрой в лесу? – я внимательно смотрю на предводительницу банды.

Она умильно вздыхает и даже ножкой шоркает! Похоже, эти двое выют из отца верёвки. Интересно, куда их мать смотрит!?

– Кара? То есть ты хочешь сказать, что различаешь девочек?

Я только глаза закатываю.

– Конечно. Они же совсем разные.

Мужчина смотрит на меня со скепсисом. И я его понимаю. Девочки – близняшки в полном смысле этого слова. У них один вес, один рост. Волосы тёмные, блестящие, прямые, глаза карие, черты лица – всё идентичное.

Даже одежда! Чёрные платья с рюшами длиной до колена и тёмно-синее пальто.

Но они всё равно разные личности, и это заметно.

– Ну, то есть они, конечно, похожи, но всё же дети разные. Как можно их не различать?

Лицо мужчины становится более задумчивым. На нём красуются дорогой чёрный костюм и часы стоимостью в несколько лет моих зарплат. Уж такой может позволить себе нанять няню для детей.

Так зачем этот эгоист притащил детей в такое место? Неужели он поведёт их на прощание в тот зал с чёрными мраморными стенами?

– Интересно, – тянет отец девочек.

Кара и Лина стоят, переминаясь с ноги на ногу, и я уверена, что они уже задумывали очередную шалость. А их отец совершенно не обращает на это никакого внимания.

Он, наоборот, пялится на меня. Неотрывно, словно я центр вселенной.

Так на меня никто и никогда не смотрел. Я просто фельдшер на скорой, просто девушка с тёмно-рыжими волосами. Не золотистыми, а красноватыми. Такого приглушённого цвета, что не сразу и заметишь. Даже здесь природа постаралась, чтобы я ничем не выделялась.

И прозрачными бледно-зелёными глазами.

Фигура средняя, внешность тоже. Даже образование не смогла получить. Последний экзамен провалила.

Я не заслуживаю внимания, а вот девочки – да! Тем более он их отец!

– Вы безответственный человек! – заявляю ему и подталкиваю к нему детей. – Если у вас не хватает времени или желания следить за ними, то наймите им няню!

Девочки одновременно тупят глаза, а их отец как-то странно скалится. В чём причина такой реакции, я не понимаю, но мне всё равно. Главное, чтобы дети были в безопасности.

Не произнеся больше ни слова, я разворачиваюсь и иду в сторону зала прощания. Сейчас мне нужно помочь друзьям, и на нотации времени нет.

Хотя раздражение всё ещё кипит внутри.

Называю организатору своё имя, меня пускают без вопросов. У стены стоит Оля. Она похожа на фарфоровую куколку. Такая же бледная, с застывшим выражением лица. Рядом с ней стоит её бывший жених Алексей.

Не знала, что они снова вместе. Или, может, он пришёл

просто поддержать её?

Я пробираюсь сквозь людей, одетых в чёрное. Их много, но никого из них я не знаю.

– Оля, я так тебе сочувствую, – говорю подруге и обнимаю. – Ты как? Держишься?

Она пожимает плечами.

– Не знаю. Я пока ничего не поняла, – она оглядывается, и впервые на её лице проступает хоть какая-то эмоция. И это презрение. – Похоже, мачеха решила устроить из похорон представление.

К нам подходит Миша. Мы тоже обнимаемся.

Когда Оля уехала из города, мы с ним стали общаться. Всё больше и больше, пока я окончательно в него не влюбилась. Только моя любовь опять оказалась невзаимной.

Похоже, это моё проклятие.

Раньше я была безумно влюблена в одноклассника. Но он не обращал на меня внимания, теперь брат подруги. Танцы на граблях – моё хобби.

– Мне так жаль, Миш, – говорю ему, а сама прячу глаза.

Он не должен догадаться о моих чувствах! Этого позора во второй раз я не переживу!

– Спасибо, Лиль. Без вас с Олей я бы не знаю, что делал.

– Если что, обращайся. Я всегда тебя поддержу.

Миша бледно мне улыбается. Видно, как тяжело ему выталкивать из себя даже такую улыбку. Он поднимает голову ко входу и тут же кривится.

– А он что здесь делает? – рычит сквозь зубы.

Я пытаюсь понять, на кого же он смотрит, и замечаю того странного незнакомца. Отца девочек. От него исходит какое-то животное напряжение, которое чувствуют все вокруг. Он рассекает толпу этой энергетикой.

Ему не приходится толкаться среди людей. Все вокруг расступаются при его приближении. А за ним идёт охранник с огромным венком из живых красных роз.

– Кто это? – интересуется Оля, а я просто молчу, не в силах сказать хоть слово.

– Отбитый наглухо мудака и по совместительству конкурент отца. Ума не приложу, какого он тут делает, – сплёвывает Миша.

И это ему я угрожала опекой?

Он идёт к самому первому ряду. Подходит к вдове и о чём-то с ней переговаривается.

Мачеха Оли сидит в самом центре как королева, словно это праздник и он только для неё. На ней дизайнерское платье, которое едва прикрывает середину бедра. Модная шляпка с вуалью и алая помада.

Её наряд безупречный и изысканный, но совершенно неуместный.

– Как зовут? – отзывается стоящий рядом Алексей.

Он молчаливой фигурой маячит рядом с Олей, защищая от наглых взглядов и непрошенного фальшивого сочувствия.

– Филатов Матвей. Редкостный ублюдок. В бизнесе монстр. Даже поговаривали одно время, что он свою жену убил, но его так и не арестовали.

Убил жену? Мой шок не описать словами. Ужас пробирает до донышка.

– Проверю, – кивает суровый спецназовец в отставке.

Его слова как камни падают на землю. Он немногословен, и это его сильная сторона.

Тот, о ком мы говорим, резко вскидывает голову. Смотрит прямо на нас, и у меня поджилки начинают трястись. Хотя я не из робкого десятка, но меня пробирает до донышка.

Я угрожала этому человеку. Поверить не могу.

– Он смотрит, – безэмоционально говорит Оля.

На её лице ни кровинки.

– Пусть смотрит. Он – как акула, почуявшая кровь в воде и приплывшая за добычей.

– Ты о наследстве? – отзывается подруга.

Миша молчит, а я вдруг понимаю, что Матвей смотрит на меня! Не на нас, а только на меня! Он что-то говорит охраннику, и тот тоже смотрит на меня, а потом кивает.

Ноги становятся ватными. И я невольно переступаю с одной на другую, наступаю на чью-то ногу и чуть не теряю равновесие. Стараюсь удержаться, но сегодня всё против меня.

Мою талию обхватывает рука Миши, прижимает к себе.

– Эй, ты чего? Голова кружится?

Действительно кружится. От его близости. Но я не могу допустить, чтобы он это понял. Только не так!

– Нет, всё в порядке. Прости.

Я выпрямляюсь, отстраняюсь от него. Начинается церемония, и нам не до неловких взглядов друг на друга.

Люди стоят безмолвной толпой. Никто не плачет. Похороны — это всегда тяжело, а в кругу чужих людей особенно.

Беру за руку Олю. Её ладошка ледяная. Сжимаю её.

– Держись, подруга, – тихо шепчу.

Она едва заметно кивает. Когда церемония заканчивается, гроб сразу накрывают крышкой и выносят. Мы ждём, пока основная часть людей выйдет на улицу.

Миша идёт к матери, а Оля даже не смотрит в её сторону. Я слышала от подруги, что у неё всё очень сложно с родителями складывалось. Отец почти с ней не общался, а мачеха матерью так и не стала.

Мы выходим. Снега прибавилось. Он лежит покрывалом на дорожках, вокруг всё белым-бело.

– Хочешь, я с тобой останусь? – спрашиваю подругу. – Постою на кладбище рядом.

– Я не поеду.

– Хорошо. Тогда поехали поужинаем?

Она кивает рассеянно, а сама провожает катафалк глазами.

– Мне так жаль, – повторяю набившие оскомину слова.

А что тут ещё скажешь?

Мы загружаемся в огромный внедорожник. Такие в городе редко увидишь. Слишком уж много они жрут бензина. Ресторанчик выбирает Алексей. Простенький, но чистенький.

Такой может позволить себе почти каждый.

Помнится, когда только познакомились, он работал в спецназе, а мы с Олей были простыми фельдшерами на скорой. Теперь же, судя по машине, он поднялся высоко. Подруга стала педиатром, как и мечтала.

И только я осталась на обочине. Без оконченного образования, без перспектив.

Мы кое-как поели. Ни у кого особо аппетита нет было. А потом разошлись.

Алекс предлагает меня подвезти, но я отказываюсь. Им и так сейчас совсем не просто. Только со мной возиться не хватает.

Привычно юркаю в метро. Быстро, безопасно, чисто. И до квартирки, которую я снимаю, совсем недалеко.

Я могла бы жить с родителями и экономить половину своего бюджета, но видеть разочарование в их глазах каждый день невыносимо. Нет, они не говорят, что я их подвела, но это читается в каждом взгляде матери, в каждом жесте отца.

Да я и сама понимаю, как сильно облажалась.

Захожу домой, скидываю туфли. На них налипла грязь, и мне сразу вспоминается довольная мордашка Кары с кротом в руках. Неосознанно улыбаюсь.

В детстве я тоже любила приключения. Небольшие путешествия, что устраивали родители. Забавы по выходным и каникулам. А ещё я любила мечтать.

Даже не мечтать, а витать в облаках. Представлять себя принцессой или драконом, великим освободителем или непонятым тираном.

Жаль, что всё это разбилось о реальность. В которой у родителей нет денег, чтобы содержать меня, пока я готовлюсь к экзамену. А у меня никак не получается отложить достаточно.

У меня был только один шанс, и я его упустила.

Раздеваюсь, кидаю платье в стиралку и сразу запускаю. Надеюсь, это платье мне не пригодится ещё много лет. Иду

в душ, надеваю пижаму и залажу под одеяло.

Запускаю сериал, но не успеваю даже серию досмотреть. Меня вырубает прямо на середине.

Просыпаюсь поздно. У меня выходной, и спешить некуда. После позднего завтрака, больше похожего на обед, я собираюсь к родителям. Они просят приезжать к ним хотя бы раз в неделю.

Несмотря на наши взаимные обиды, родителей я люблю. И рада их видеть. Особенно после вчерашнего.

Снег валит хлопьями. Так бывает, особенно в начале зимы.словно он стыдливо спешит прикрыть землю. Прохожие прячутся от него под капюшонами, наклонившись, бредут по тротуару.

Я же, наоборот, запрокидываю голову. Наслаждаюсь легкими касаниями снежинок к лицу и даже не сразу замечаю медленно ползущую за мной машину с тонированными стёклами.

Она обгоняет меня, тормозит. Стекло опускается, как раз когда я прохожу мимо. А в машине вчерашний жуткий мужик, которого я назвала безответственным и кому угрожала опекой.

– Садись в машину, – бросает он мне, а потом добавляет:
– Или я сам тебя посажу.

– Садись в машину, – бросает он мне, а потом добавляет:
– Или я сам тебя посажу.

Поджилки начинают мелко трястись. Но я не собираюсь этого показывать. Задираю голову повыше, выпрямляюсь насколько могу.

– Мой парень знает, где я! И он не разрешает мне садиться к чужим в машины!

Аргумент, что я сама себе не разрешаю садиться ко всяким малознакомым мужчинам, я оставляю при себе. Вряд ли для него это станет чем-то весомым. Поэтому приходится прикрываться воображаемым парнем.

– Надо же. Твой парень, – неприятно усмехается Филатов. От этой улыбки мурашки бегут по коже. Она напоминает акулий оскал. – Значит, жить в конуре с видом на шоссе, носить обноски и пахать как лошадь он тебе разрешает, а разговаривать с людьми – нет?

Щёки краснеют от этого замечания. Моя жизнь и правда далека от идеала, но всё, что у меня есть, я заработала сама! Честным, достойным трудом и не позволю это обесценивать!

– Это не ваше дело! – холодно отбрываю. – Разговора с вами у нас не получится!

Дорожка раздваивается. Одна продолжает повторять изгиб дороги, а вторая резко уходит вправо. Не неё я и схожу.

Ускоряю шаг, чтобы избавиться от липкого внимания.

Взгляд бизнесмена продолжает жечь спину. Унизительные слова крутятся в голове.

Одежду я себе и правда давненько не покупала. На работе на мне униформа. Чистая и опрятная, между прочим! А дома хватает джинсов и футболок. Пусть хлопок потёрся и посветлел, но никаких дыр или ещё чего-то подобного тоже не было!

И, по мне, лучше жить с видом на шоссе, чем продавать себя мужчине в квартире с видом на парк.

– Быстрая, – раздаётся рядом, и я едва не подпрыгиваю.

Прикладываю руку к груди, чувствуя, как сердце заходит-ся под грудиной.

– Ты моей смерти хочешь? – кричу раньше, чем успеваю что-то понять.

Ну в самом деле! Нельзя же так пугать! Инфаркты молодёют, и я теперь понимаю почему. От неожиданности я даже перехожу на «ты» и сразу себя за это ругаю.

– Нет. У меня к тебе предложение.

– Спасибо! – шиплю, всё ещё растирая грудь. – Мне ничего от вас не надо.

– А что, если это предложение изменит твою жизнь? – скидывает одну бровь бугай.

Нет, серьёзно, какой у него рост и вес? Два метра или больше? И весит, наверное, под сотню. Если не больше. Пока я заинтересованно оглядываю пациен... тьфу, собеседника,

он всё больше хмурится.

– Ты на меня смотришь так, словно пытаешься понять, помещусь ли я в багажник твоей машины.

– У меня нет машины, – отвечаю. – А что, был опыт с багажником?

– Возможно, – он наклоняется ниже, – но только с противоположной стороны.

Я поджимаю губы. Наш разговор зашёл куда-то не туда.

– И после этого вы предлагаете мне в машину к вам сесть? Я на дуру похожа?

Вопрос неудачный. Он действительно оглядывает меня с ног до головы, а потом пожимает плечами.

– Да вроде нет, а что?

Ответ кажется серьёзным, но я всё равно чувствую себя полной дурой. Зачем я вообще с ним разговариваю? Что хорошего мне может сказать такой человек, как он?

– Всего доброго, господин Филатов! – прощаюсь и разворачиваюсь, чтобы уйти, но он хватает меня за руку.

– Стой! Да что ж такое! Я прошу всего лишь о разговоре. Что тут сложного?

– Вы всеми силами пытаетесь меня оскорбить. То квартира у меня не такая, то одежда. С чего мне с вами разговаривать? Я вообще не знаю, кто вы и чего вам от меня надо!

– Ну так я и предлагаю узнать. Не хочешь в машину садиться? Окей, я это понимаю. Безопасность и все дела, – он оглядывается и тычет мне за спину: – Вон кафе, пойдём туда.

Ты же не думаешь, что я стану подсыпать тебе какую-нибудь дрянь в кофе? Или хочешь разговаривать посреди улицы под мокрым снегом?

Погода и правда испортилась. Вместе с пушистыми хлопьями на землю летят капельки дождя. И если я одета по погоде: теплая куртка, шапка и сапожки, – то мой собеседник стоит в деловом костюме и офисных ботинках.

"Так и простатит заработать можно", – мысль промелькнула, но озвучивать её я не решаюсь. Это всё равно что дразнить льва.

Его волосы пропитались влагой и теперь выглядят так, словно он только что из моря вышел. Я быстро отхожу на пару шагов, вытаскиваю телефон и фотографирую Филатова.

Гляжу на фото. Немного обработать и можно на первую страницу модного журнала выставлять. Фотография получилась атмосферной и красивой. Немного пасмурной, холодной. И это было её изюминкой.

– Хм... – мой собеседник красноречиво изгибает бровь, а я понимаю, что мой поступок был верхом наглости.

Нельзя фотографировать людей без их согласия!

У меня такое случается. Я люблю фотографировать и иногда забываюсь.

– Простите. Я удалю фотографию, – бормочу, прижимая к себе телефон. – Пойдёмте в кафе, а то вы можете сильно заболеть.

Он открывает мне дверь. Тёплый воздух с запахом кофе и свежих булочек ударяет в лицо. Я шагаю в тёплое нутро заведения.

Стягиваю куртку, вешаю на крючок. Филатов просто садится напротив. Ему нечего снимать. Кончики его ушей покраснели, всё же выдавая в нём человека.

Он поднимает два пальца вверх, и рядом с ним тут же появляется официантка. Не подходит, а именно появляется! Словно материализуется из воздуха. Бизнесмена совершенно это не удивляет.

Наверняка привык, что по щелчку пальцев все его желания исполняются мгновенно.

– Кофе. Чёрный, без сахара.

Голос бархатом прокатывается мимо меня, и я замечаю, как официантка ёжится от мурашек.

– Хорошо, – мурлычет она и глупо ухмыляется.

Я морщусь. Девушка быстро бросает на меня взгляд, оценивая: представляю я для неё опасность или нет. А заметив жалость на моём лице, хмурится.

У меня заказ принимать она явно не собирается. Не считает нужным обращать внимание на тускло одетую невзрачную девушку. Она верно всё просчитала. Филатов – альфа-самец, а я не тяну на его уровень.

Но она не учла одного: я не собираюсь и тянуться. Это глупо. Для таких, как он, люди – лишь пешки. Их либо используют, либо смахивают с доски.

А я не хочу ни того, ни другого. И должной быть ему тоже не желаю. Даже если это всего лишь чашка кофе.

Но это не устраивает самого Филатова. Он одним взглядом останавливает официантку.

– Лилия, что ты будешь?

– Ничего. Я только позавтракала.

Мой собеседник вскидывает бровь, демонстративно глядит на наручные часы. Они показывают начало второго. Он намекает, что я слишком долго сплю?

Посмотрела бы я на него, если бы ему пришлось носиться по городу сутки на пролёт. Так не только впрок отсыпаться научишься, но и спать стоя, сидя и вообще где угодно!

Сегодня часы другие. Со светлой оправой и двумя циферблатами. Один из которых не двенадцатичасовой, а суточный.

– Принесите какао с маршмеллоу и круассан с красной рыбой. И с собой упакуйте.

Официантка быстро чиркает карандашом в блокнотике и идёт к терминалу.

– Зачем? Я правда поела.

– С собой возмёшь. Тебе предстоит долгий путь. Ты же к родителям едешь?

Ноги колет иголками. Я чувствую себя как на допросе со

следователем. Он уже знает все твои преступления, но хочет, чтобы ты сама во всём созналась.

– Детектива наняли? – усмехнулась, глядя ему прямо в глаза.

Так я стараюсь показать ему, что совершенно его не боюсь. Но получается плохо, ведь я действительно его боюсь. Мне не хочется повторить судьбу его жены.

– Возможно.

– Это хобби у вас такое? – подаюсь вперёд. – А ещё чем увлекаетесь? Ну, кроме походов на Крайнем Севере.

Он пытается удержать лицо, но я вижу, как дрожат крылья его носа. Удивление? Досада? В любом случае мне доставляет удовольствие то, как я выбиваю его из равновесия.

Пусть не думает, что самый крутой за этим столиком!

Я молча улыбаюсь, наслаждаясь его замешательством, а он опускает глаза. Смотрит на часы. Поднимает их повыше.

И я понимаю, что он меня раскусил. Суточный циферблат используют за полярным кругом. Во время полярной ночи. Ведь солнца нет и, определить, день сейчас или ночь, невозможно.

– Интересно. Обычно женщины не разбираются в таких вещах, – он прищуривается. – Но ты ошиблась. Я не отдыхаю за полярным кругом, а работаю.

Ну да. Могла бы догадаться. Уверена, и на похоронах он был не просто так. Такие люди, как Филатов, вообще ничего просто так не делают.

– Ну конечно. Как я могла подумать, что вы отдыхаете? Это не в вашем стиле, – его глаза темнеют от моих слов. Он не привык, что кто-то использует сарказм в общении с ним. Я улыбаюсь и меняю тему: – Кстати, у меня есть для вас кое-что.

– И что же это?

Достаю телефон, открываю галерею. Выбираю фотографии, которые сделала в парке и кладу перед ним экраном вверх.

– Кара попросила меня сфотографировать. Я пообещала, что передам эти фотографии вам. Чтобы их распечатали.

Филатов явно озадачен. Он рассматривает экран моего телефона со странным выражением лица. Смесь возмущения и восхищения. Надо признать, ему это больше идёт, чем показная отстранённость.

Возвращается официантка. Ставит чашку кофе перед моим собеседником. Естественно, не забыв соорудить ему глазки. Под блюдце кладёт салфетку, и я замечаю там цифры, написанные обычной шариковой ручкой.

Передо мной опускается пакет с круассаном и горячим шоколадом в подстаканнике. Я задумчиво оглядываю еду. Вообще-то аппетитно выглядит. А когда девушка уходит, виляя бёдрами, тихо вздыхаю.

– Что-то не так?

– Вот думаю, успела она плюнуть в круассан или нет.

– Заказ собирала не она, так что ешь смело, – улыбается

Филатов.

– О, ну тогда ладно. Вы меня успокоили! – в тон ему отвечаю я.

Он задумчиво барабанит по столу. Изучающе смотрит. У меня от этого взгляда уже всё тело зудит!

– Как у тебя это получается? – в итоге спрашивает.

– Что?

– Вот это, – он трясёт моим телефоном. – Что это вообще такое в руках моей дочери?

– Это крот. Кара хотела поселить его у вас дома, но я отговорила её, – брови бизнесмена ползут ещё выше. – Они с Линой выкопали руками крота из его норы. Что сказать. Целеустремлённые девочки. Далеко пойдут.

– И ты не испугалась, увидев это чудо? Как ты вообще смогла убедить её выпустить несчастное животное?

– Я на скорой и не такое видела, – пожимаю плечами. – А договориться довольно просто, если поставить себя на место того, с кем хочешь договориться. Ультиматумы тут не работают. Ну вы и сами это знаете наверняка.

К концу тирады я осекаюсь, вспомнив, с кем разговариваю. У Филатова, должно быть, обширный опыт в убеждении. Тем более он отец Кары и Лины, так что всё знает сам.

– Поэтому я здесь. Ты мне нужна, Лиля.

– Ты мне нужна, Лиля.

Я как раз набираю воздух в лёгкие, а услышав такое, давлюсь этим воздухом. Позорно закашливаюсь, привлекая внимание всех вокруг.

– В смысле? К-хе... к-хм... – кое-как каркаю между приступами кашля.

– В прямом, – отрезает он. – Ты же сама мне сказала, что я должен нанять няню для девочек. Так вот, половина агентств по подбору персонала уже отказалась со мной сотрудничать. В другую половину я сам не хочу обращаться. Няни не выдерживают и суток. Они бегут как черти от ладана.

– А я тут при чём?

– Притом, что ты единственная смогла убедить мою старшую дочь сделать то, чего она делать не хотела. Вытащила их обеих из грязи, привела обратно.

– И что? На это способна любая няня с педагогическим образованием. Неужели у вас денег нет на квалифицированного педагога?

Он скалится. В прямом смысле этого слова. Мне снова становится страшно.

«Не сомневаться в его платежеспособности!» – ставлю себе ещё одну мысленную зарубку.

– Деньги есть. Проблема в кадрах.

– Ну, тогда я точно ничем не могу помочь. У меня нет педагогического образования. И работа уже есть. Так что прощения, но мне нужно идти.

Я поднимаюсь, чтобы уйти, но он подцепляет ногой ножку моего стула, и я вынужденно опять плюхаюсь на попу.

– Эй! – возмущенно вскрикиваю.

Официантка, обслуживающая нас, выворачивает голову, чтобы понять, что у нас тут происходит.

– Я ещё не закончил. Образования у тебя действительно нет. Это я выяснил сразу. А ещё узнал, что через полгода даже возможности окончить обучение у тебя не будет. Пять лет полетят коту под хвост.

С каждым его словом мне становится всё хуже. Я сама думаю об этом каждый день. Просыпаюсь с этой мыслью и засыпаю. Если не сдам экзамен в следующем году, то навсегда потеряю возможность получить диплом.

Это давит на меня. Дышать мешает! Почти так же, как безответная влюблённость.

О, это отдельный вид пыток. Мы с Мишей встречаемся в кафе, гуляем вместе, но он упорно держит меня на расстоянии. Ни шаг назад делать не даёт, ни ближе не подпускает.

Только одна-единственная новогодняя ночь, когда мы были близки. Но это было почти четыре года назад. А сейчас я запуталась. Так крепко, что только резать.

– И что? – с трудом выдавливаю.

– В следующие несколько месяцев я буду очень занят. И

я не хочу постоянных качелей с временными нянями. Мне нужна одна. Постоянная. Кому я смогу доверить дочерей. И это ты, — он наклоняется ниже. — Девочки ходят на подготовку к школе. Это около четырёх часов в день. Ты сможешь в это время учить билеты. Жить будешь в моём доме. Там убирают и готовят специальные люди. Никаких бытовых проблем. Смотришь за детьми, готовишься к экзаменам и зарабатываешь деньги. Всё просто.

Он называет сумму, а у меня глаза на лоб лезут. Я такие деньги за год не заработаю, сколько он мне за месяц предлагает.

Голова начинает раскалываться от мыслей. Хочется сразу согласиться, но страх всё бросить делает своё дело. Я начинаю думать.

Чем таким он будет занят в ближайшее время, что даже на детей отвлекаться не хочет? Тру переносицу, которая от напряжения уже болит. Миша сказал он девелопер. А в этом я не шарю.

Может, ему позвонить? Спросить? Хотя у него сейчас и без меня проблем хватает.

Проблем...

Вскидываю голову.

— Вы собрались делить наследство Морозовых? — выпаливаю, даже не подумав.

Он поджимает губы.

— Тебя это не касается.

Его лицо становится жёстче, и я снова вижу в нём ту акулу, которая рассекала толпу на похоронах. И я уже не сомневаюсь. Он безжалостно поучаствует в разрывании на куски наследства мои друзей.

Ему плевать на их горе. И на справедливость. Он уже почувствовал кровь в мутной воде.

– Мне нужно подумать, – говорю ему и встаю со стула. – Я позвоню.

Он едва заметно кивает, возвращает мне телефон, который всё это время крутил в своей руке.

Одеваюсь, подхватываю пакет и выхожу на свежий воздух.

Работа на Филатова кажется предательством. Нельзя ведь дружить с врагом своего друга? Или за большие деньги можно?

Пока еду к родителям, пытаюсь дозвониться до Миши. Он должен знать, какая опасность им грозит. Звоню несколько раз, но он так и не берёт трубку.

А ещё я отчетливо понимаю, что предложение бизнесмена – мой единственный шанс сдать экзамен, получить профессию и стать педиатром. Работа сутки через трое только кажется лёгкой.

На самом деле поспать на смене почти никогда не получается. Спать приходится урывками между вызовами. Это выматывает. В сезон простуд вообще работаем сутки через сутки. Ведь многие на больничных.

Там вообще успеваешь только отоспаться и опять на сме-

ну. Ни о какой учёбе речи не идёт.

Мама встречает меня тёплыми объятиями. Я обнимаю её в ответ. Знакомый домашний запах немного успокаивает.

– Привет, пап, – здороваюсь с отцом, который, как всегда, сидит в кресле и разгадывает кроссворд.

– Добрый день, Лиля. Как дела? Почему так поздно? Мать тебя к обеду ждала. Мы не садились без тебя.

– Зачем? Я же предупредила, что приеду после!

– Ну, не знаю, – ворчит он, откладывает газету и поднимается. – Пойдём за стол.

Мы садимся за накрытый стол. Есть мне особо не хочется. По пути я съела круассан и выпила шоколад. Теперь сижу и ковыряюсь в тарелке.

За столом висит неловкое молчание. Родители переглядываются. Мама суетится над нашими тарелками.

– У тебя вчера выходной был? – спрашивает мама, чтобы заполнить паузу.

– Ага. Я на похороны ездила.

Мама крестится, а отец хмурится. Я торопливо рассказываю все детали, пока они не успели надумать ужасов.

– А подруга твоя что? Работает? – спрашивает папа, я киваю. – Где? Кем?

– Она педиатр в частной клинике.

Родители снова переглядываются.

– Понятно, – вздыхает отец и больше ничего не говорит.

А мне становится так обидно от этого его «понятно», что

выйти хочется! Ну что ему понятно? Что?

Неужели они не понимают, что я кожей чувствую их разочарование? Неужели не понимают, как это больно?

До конца вечера еле досиживаю. Из квартиры почти выбегаю. Слёзы близко, и я не хочу расплакаться прямо при них.

Мама начнёт утешать, а от этого ещё хуже. Отец будет просто молча стоять рядом. Мы всё это уже проходили. Хватит с меня.

Пока иду к метро, звонит телефон.

– Да?

На том конце провода шум, музыка. Постепенно она стихает, но я всё равно слышу её на границе. Женский голос что-то говорит, не могу расслышать что, но это явно предназначается моему собеседнику.

Меня прошибает холодный пот.

– Лиль, ты звонила? Прости, я был занят, – он кричит в трубку, стараясь перекрыть шум.

– Ты где? – в замешательстве спрашиваю, хотя хочу спросить совсем другое.

Он не один? С ним какая-то женщина? Не может же он быть на вечеринке? У него же отец только умер!

– Эм... неважно. Так чего ты хотела?

Я пытаюсь собраться с мыслями, но ничего не получается. Как рассказать всё, что произошло? Это не телефонный разговор точно.

– Можешь приехать? Это важно.

На несколько секунд опять тихо.

– Нет, Лиль. Я не могу сегодня. Давай в другой раз, если ничего срочного.

– Подожди, Миш... – он отсоединяется, даже не дослушав.

А я как дура стою с мобильником, прижатым к уху.

Медленно убираю его в карман, выпрямляюсь. Поверить не могу. И ради вот этого я отказываюсь от единственного шанса стать врачом?

Я не просто дура! Нет! Я круглая дура!

С чего я вообще взяла, что Мише нужна моя помощь? Похоже, у него всё прекрасно. И только я сижу в полном дерьме по самые не могу и, когда мне кидают спасательный круг, прошу не тревожить жижу, чтобы меня не захлёстывало ещё.

Злость кипит внутри. И на этой злости я достаю мобильник, разблокирую и тупо смотрю на экран. Я же даже не взяла номер Филатова, чтобы позвонить! И что теперь делать?

Бреду к метро с ощущением, что упустила единственный шанс в жизни. Шанс всё исправить. Меня трясёт то ли от холода, то ли от разочарования.

Глупые сожаления задвигаю подальше. Надо было соглашаться сразу, надо было лучше учиться, надо было... Да много чего надо было, а теперь-то что? Какой смысл об этом думать? Только истязать себя.

В кармане звонит телефон. Неужели Миша одумался и мы всё же поговорим?

На экране странная надпись. Я читаю несколько раз слово «босс» и не могу припомнить, когда и кого я записывала так. Пожимаю плечами. Терять мне нечего.

У меня ничего нет.

Отвечаю.

– Ты уже приняла решение? – голос, наполненный сталью, звучит в ушах.

Естественно, я его сразу узнаю. Никто в моём окружении не умеет так.

– Как ваш номер оказался в моём телефоне? – возмущаюсь скорее от досады.

Если бы я знала, что он у меня есть, всё было бы проще.

– Записал, когда отправлял себе фотографии, – пауза. Я слышу, как хлопает дверца автомобиля. – Что с ответом?

Тянуть нет смысла. Незнание пугает, но я уже привыкла не обращать на страх внимания.

– Я согласна. Завтра напишу заявление и через две недели смогу приступить.

– Нет. Меня это не устраивает. Завтра напишешь заявление, а послезавтра у тебя первый рабочий день.

– Но я должна отработать!

Если вот так уйду, то обратной дороги не будет. Обычно нужно предупреждать за месяц, чтобы куратору не пришлось переделывать расписание.

Он предлагает мне сжечь мосты.

– Выбирай: либо работа на меня, либо оставайся на скорой работать за копейки, – отрезает он. – Адрес пришлю. Не забудь взять вещи.

Звонок обрывается. Медленно опускаю телефон. Сердце стучит в груди. Сделать последний шанс трудно, но нужно.

Возвращаюсь домой. Достāju чемодан, который использовала всего пару раз в жизни. В него летят джинсы, футболки, кофты, несколько платьев. Всё то, что я ношу в повседневной жизни. Никаких особенных нарядов у меня нет.

Вещи занимают половину объёма, а вторую половину заполняю книгами. Беру всё что есть. Их мне нужно будет протудировать от и до, ведь именно за этим я и еду.

Старюсь воспринимать всё это как командировку. Так легче.

На смену еду с мандражом внутри. В кабинет к начальни-

це захожу вся на иголках. Кладу на стол заявление на увольнение.

– Я не смогу отработать две недели. Меня уже ждут на новом месте, – тихо говорю.

Начальница смотрит на меня как на предателя. Впереди самые сложные месяцы простуд, переломов, отравлений. Я и сама чувствую себя странно.

Но пришло время выбрать себя и свою жизнь.

– Вот, значит, как ты заговорила! – фыркает она, подвигая к себе листок. – Бросаешь коллектив? А как же расписание? Кому мне твои смены отдать? У меня лишних рук нет.

Руки холодеют от её слов.

– Понимаю, и я не хотела никого подставлять, но ситуация так складывается...

– Что мне твоя ситуация? По закону обязана отработать! – поднимает голос начальница.

И это её ошибка. Меня трясёт, но я всё равно выпрямляюсь.

– А по закону заставлять сутки через сутки работать? Или вызывать на смену за два часа до её начала? Может быть, двое суток подряд работать по закону? Я работала все праздники, все выходные. Всегда выходила на свои и чужие смены. Даже больничные ни разу не брала! Почему вы про закон вспоминаете, только когда вам это удобно?

Начальница вздыхает тяжело.

– Лиля, ну, не горячись. Я всё понимаю, но и ты меня пой-

ми!

Вот с этой фразы всё и начиналось. А потом шли просьбы, требования и упрёки. Хватит с меня.

– Я отработаю сегодняшнюю смену. И всё. Дальше делайте что хотите. Ставьте прогулы, лишайте премий.

Выхожу из кабинета с гадким чувством. Я права, знаю. Но от этого не менее гадко. Ведь за меня будут работать мои коллеги. У них тоже дела, семьи, учёба. И мне жаль, что приходится так поступать.

Смена проходит спокойно. Коллеги неодобрительно гудят за спинами. Стискаю зубы и едва держусь, чтобы не забрать заявление. Приходится постоянно напоминать себе, ради чего я всё это делаю.

Напарник вообще не разговаривает со мной. Только по необходимости. От напряжения начинает болеть голова. Мне обидно, но сделать с этим я ничего не могу. Приходится просто терпеть.

Домой возвращаюсь вымотанная полностью. Времени спать нет, только принять душ и собраться.

Быстро моюсь, сушу волосы. На глаза попадает косметичка. Целую минуту раздумываю, но потом достаю румяна, наношу на щёки, взмахиваю кисточкой по ресницам.

Бледно-зелёные глаза становятся ярче, а цвет лица свежее. Обычно я не пользуюсь косметикой, но сейчас с ней чувствую себя увереннее.

В дверь звонят. Иду открывать, одновременно натягивая

свитер. За дверью меня ждёт вышколенный мужчина в деловом чёрном костюме.

– Добрый день, Лилия. Я водитель семьи Филатовых. Вы готовы ехать?

Жест с водителем со стороны выглядит как услуга, но я почему-то не могу отделаться от ощущения, что это конвой.

Крепкий плечистый водитель с лёгкостью подхватывает мою сумку. Я быстро пробегаюсь по квартире, перекрывая краны и проверяя, всё ли выключено.

Эта квартира – мой запасной аэродром, и отказываться от неё глупо.

Мы едем за город. Дорогу обступают высокие ели. Неужели дом Филатовых рядом с лесом? Будет здорово любоваться на деревья по утрам.

Руки подрагивают на коленях. Тревога не оставляет. Я украдкой вытираю мокрые ладони о джинсы.

Это просто работа! Не хуже и не лучше других. В любой момент можно уйти. Да, в никуда. Без перспектив и возможностей. Эти слова я повторяю себе снова и снова, но так и не убеждаю саму себя.

Мне вспоминается холодный, изучающий взгляд моего будущего работодателя. И от этих воспоминаний по коже бегут крупные мурашки. У меня в телефоне его фото.

Незаметно открываю галерею.

Смотрю на него. Ровный гармоничный нос, широкие брови, тёмные волосы и лёгкая небритость. Он напоминает мне Джареда Лето и Антонио Бандераса вместе взятых. Такой же

безумно красивый мужчина и недостижимый идеал.

Наверняка женщины стоят в очереди за его вниманием. От этой мысли рассматривать внешность Филатова больше не хочется.

Перелистываю фото. Там несколько снимков девочек с кротом. Неужели они действительно такие плохие, что никто не хочет с ними сидеть? Что ж, у меня будет возможность выяснить это.

Убираю телефон. Мы подъезжаем к воротам. Они сами собой откатываются, и машина въезжает на подъездную дорожку.

– Лилия, вы идите в дом, а я припаркуюсь и принесу ваши вещи.

Мне не хочется идти туда одной, но спорить с водителем я не осмеливаюсь. Кто знает, какие тут порядки.

Несколько ступеней – и я перед массивной входной дверью. Звонка нет, стучать тоже бесполезно. Вряд ли кто-то меня услышит. Хватаюсь за ручку, тяну на себя. Дверь на удивление легко и плавно открывается.

Меня никто не встречает. В холле, отделанном светлым мрамором, пусто. Я переминаюсь с ноги на ногу, оглядываюсь. Лестница уходит вверх. Поручень отделан деревом тёплого орехового цвета.

На лестнице висят чёрно-белые фото. Я замечаю одно из них, и мои брови ползут вверх.

Быстро скидываю обувь, ставлю её у стены, ведь никакой

этажерки или обувницы тут нет. А потом подхожу к освещённому точечным светом снимку большого формата.

На нём Кара с довольной мордашкой протягивает в камеру уродливого зверька, а Лина стоит рядом и смотрит на сестру. Это мой снимок. Профессионально обработанный, пропущенный через фильтры, но точно мой.

То, что Филатов копался в моём телефоне как в своём, я уже поняла. Не думала только, что он выполнит моё обещание девочкам. Да ещё повесит этот снимок на самое видное место.

– Ты что здесь делаешь? – взвизгивает рядом женский голос. – И как сюда попала?

Отрываю взгляд от фото. В холле стоит ухоженная блондинка в строгом деловом костюме. Её юбка-карандаш подчёркивает стройные и длинные ноги. Блузка цвета слоновой кости аккуратно застёгнута на все пуговицы, а элегантный бант мягко обхватывает шею.

Я смотрю на неё, а она брезгливо изучает меня.

– Ещё раз спрашиваю! – поднимает голос девица. – Как ты сюда попала?

Её тон мне не нравится. И я не обязана перед ней отчитываться, но всё равно спокойно отвечаю:

– Меня водитель привёз. Я новая няня.

– Ты врёшь! Мне никто из агентства не звонил. А няня у нас уже есть, – надменно говорит она и демонстративно достаёт телефон. – Я сейчас же вызову охрану.

Какого чёрта тут происходит? Неужели всё это просто развод? И никакой работы для меня тут нет?

Я уволилась из скорой, перечеркнула свою налаженную жизнь, а теперь меня просто выставляют на улицу? Ноги становятся ватными. Лихорадочные мысли скачут в голове как белки.

– Отведите меня к Филатову. Я должна с ним поговорить, – стараюсь говорить твёрдо, но это нелегко даётся.

Если он решил отомстить мне за угрозы опекой, то я хотя бы посмотрю ему в глаза и выскажу всё, что о нём думаю!

– А звезду с неба тебе не достать? – фыркает девица.

Она действительно связывается с охраной. Я слышу короткие и чёткие ответы на том конце провода.

– Нет, не достать! – повышаю голос. Как она со мной, так и я с ней. – Меня пригласил сюда Филатов! И я не уйду, пока с ним не поговорю!

– Через пару минут тебя вышвырнут из этого дома! – фыркает она.

Её длинные ногти мерзко стучат по перилам. Этот звук ввинчивается в и так раздражённое сознание. Меня уже откровенно трясёт внутри.

Неужели Миша был прав? Этот Филатов – беспринципный мудака, а конфетка, которой он выманил меня из раковины, наполнена совсем не шоколадом?

Решил унижить, растоптать и выкинуть из своего шикарного дома на улицу?

Дура ты, Лилька! За двадцать шесть лет так и не научилась в людях разбираться. Должна же была догадаться, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке и никто не станет платить няне огромные деньги за простой присмотр за детьми!

Я опасалась неприличных намёков со стороны работодателя. Ведь обычно за высокооплачиваемой работой скрывается грязь. И была готова дать наглецу по морде и уйти с высоко поднятой головой. Но откровенного скама с его стороны не ожидала!

За это и поплатилась.

В холле действительно появляются два охранника с рациями на поясе и злобными выражениями на лицах.

– Марианна Николаевна, у вас всё в порядке?

– У меня да, – она улыбается гадко и на меня кивает. – Уберите отсюда эту бомжиху!

 Матвей

Водитель отчитался о приезде. Внутри шевельнулся интерес. Значит, новая няня уже здесь. Интересно.

Я нарочито медленно поднялся, потянулся.

Бумаги отправились в портфель. Более детально изучу их в машине. Договор на первый взгляд составлен грамотно, но по моему опыту всегда есть подводные камни.

Встреча с командой уже через пару часов. Нужно быстрее составить план поглощения и приступить к его реализации. Всё, чтобы совет акционеров был доволен и к концу следующего года мы все получили солидный куш.

Вышел из кабинета, запер дверь. Каролину и Ангелину тянет в мои владения. Не знаю, что они хотят там найти, но явно что-то очень для них важное.

На границе лестничной площадки и коридора замираю. Гляжу вниз. Девушка с тёмными волосами опасно оглядывает мои владения. Она поворачивает голову, и я замечаю красный отблеск её волос.

Необычный цвет. Я раньше таких не встречал. Она совершенно не в моём вкусе. Простушка с открытым взглядом. Мне же нравились умные, начитанные женщины. Жгучие брюнетки с тёмными глазами.

И это хорошо. Никаких лишних мыслей. Только расчёт.

Используя её, я убью сразу двух зайцев. Девочки будут под присмотром, а ещё я смогу скормливать ей нужную мне информацию. Пусть передаёт её своему парню.

В том, что она согласилась на моё предложение, чтобы шпионить, я не сомневался.

Слишком уж смело она порвала с прошлой жизнью.

Я скрупулёзно перебираю информацию в голове. Как чётки пальцами.

Добрынина Лилия, двадцать шесть лет. Неоконченное высшее, последний шанс получить диплом и работать по специальности. Родители на пенсии, квартиру снимает. Предположительно встречается с Морозовым Михаилом.

Он ей периодически изменяет, но она либо не в курсе, либо закрывает на это глаза.

Изначально план был через неё подобраться к младшему Морозову. Насколько нам было известно, именно он – основной наследник состояния отца. Предложение о работе – чистая импровизация.

Теперь она здесь. Снимает обувь, замечает фотографию. Интерес внутри растёт. Это нормально. Я должен побольше о ней узнать, чтобы мой план сработал.

Что ты задумала, девочка?

Лиля рассматривает фото и едва заметно улыбается. И это... выбивает из колеи. Она выглядит обезоруживающе трогательной.

Пока я пялюсь на неё как идиот, в холл врывается Мари-

анна и, сама того не зная, оказывает мне услугу. Её громкий голос даже у меня вызывает раздражение. Вижу, как девчонка старается держать себя в руках и огрызается, но дрожащие губы её выдают.

А когда приходит охрана, она и вовсе едва стоит на ногах от стресса. Ну что ж, теперь мой выход.

Неторопливо спускаюсь по лестнице.

– Что здесь происходит? – окликаю всех присутствующих.

– Ничего особенного, Матвей Георгиевич, в дом забрела попрошайка. Охрана уже занимается этим.

Я ловлю Лилин убийственный взгляд и внутренне улыбаюсь.

– Марианна, какая ещё попрошайка? Лилия – новая няня для девочек, – объявляю и тут же становлюсь героем для Добрыниной.

Она опускает глаза. Представляю, какое облегчение у неё сейчас внутри.

– Няня? Но, Матвей Георгиевич, вы шутите? Она же... она... – Марианна брезгливо осматривает наряд девчонки и кривит губы.

Её наряды от известных брендов, и ей в голову не может прийти, что кто-то может явиться в первый рабочий день в потрёпанных джинсах и хлопковой футболке.

Отвечать помощнице не собираюсь. Я всё сказал по поводу Лили. А вот ей спокойно говорю:

– Иди за мной, – и, не оборачиваясь, поднимаюсь по лест-

нице в кабинет.

Она идёт, но я чувствую, что больше давить на неё не стоит. Лиля готова послать меня к чёрту и сбежать. А это не в моих интересах.

Всему есть свой предел, и нужно тонко чувствовать границу.

Сажусь в своё кресло. Ей указываю на стул. Достаяю из ящика стола договор, его подготовили ещё вчера юристы, и протягиваю ей.

– Вот, прочти. Если вопросов нет, подпиши.

Я смотрю прямо ей в лицо. Обычно люди смущаются, но только не она. Смотрит на меня всё также неприязненно.

Искры сыплются в разные стороны. Стул скрипит.

– Вообще-то у меня есть вопрос, – возмущённо тянет она, поднимается и упирает руки в стол. – Какого хрена это сейчас было?

Лилия

Сверлю неприязненным взглядом Филатова. Он поднимает брови, делает вид, что удивлён.

Меня всё ещё потряхивает.

– Ты о чём?

– Об этом спектакле, что вы устроили!

Чтобы содержать такой дом и крутить большими деньгами, нужно быть не столько умным. Нет! Нужно быть отличным организатором. Чтобы персонал по струнке ходил и без чёткого приказа ничего не делал.

Иначе будет хаос. Бардак, в который превращается любое предприятие без начальника.

Да даже в бригаде медиков всегда есть старший, который координирует любые манипуляции. А ведь медицинский персонал – это одни из самых умных и находчивых людей.

И он думает, я поверю, что всё произошедшее – просто случайность?

Отступать не собираюсь. Смотрю в упор.

– Лилия, ты всё не так поняла.

Мой рык – неожиданность даже для меня. С силой отталкиваюсь от стола и иду к выходу.

К чёрту эти тупые игры! К чёрту этого наглого богача! И

к чёрту работу, на которой меня не будут уважать!

Тяну дверь на себя, но она с силой захлопывается прямо перед моим носом. Рука в деловом костюме прижимает плотно к косяку, не давая мне открыть его.

Медленно поворачиваю голову, чтобы столкнуться взглядом с тёмными глазами. Почти чёрные омуты притягивают свет. Он слишком близко!

Так близко, что я чувствую его запах. Можжевельник и ещё что-то горькое.

На долю секунды кажется, что передо мной не мужчина, а зверь, затаившийся в засаде. Быстрым движением облизываю губы, чтобы хоть немного увлажнить их.

Он тут же смотрит на них, и его глаза темнеют ещё больше. Хотя кажется, что больше просто некуда! Радужка и так два оникса.

– Пустите! – говорю тихо, чтобы не провоцировать.

Моя решимость тает с каждой секундой. И это плохо! Нужно срочно убираться отсюда!

– Я прошу у тебя прощения, Лиля. Это своего рода стресс-тест. Слышала о таких?

– Что-то припоминаю, – наигранно тяну. – Ах да. Помню этот вызов. Мужчина, пятьдесят два года, сердечный приступ после дурацкого стресс-теста на собеседовании, – вдыхаю поглубже, а потом неожиданно рявкаю: – Качали сорок минут!

Филатов выглядит растерянным. Это победа! Он ослабля-

ет хватку, и я дёргаю дверь на себя. За ней стоит и подслушивает девица, которую мой несостоявшийся босс назвал Марианной.

– А тебе тут что надо? – не приветливо спрашиваю. – Кофе уже сварила для босса?

Да, я веду себя как хамка, но с волками жить – по-волчьи выть. Жизнь научила одной важной мудрости, которой я следую всегда: как к тебе относятся, так и ты относись к людям. Ведь по-другому они просто не понимают.

– Я не секретарша, а личная помощница! – ахает девица, прижимая к себе папку.

– Марианна, принеси нам чаю, пожалуйста.

Филатов даёт указание своей помощнице и закрывает дверь.

– Лиля, давай мы успокоимся и начнём всё сначала. Тем более я уже извинился.

Он говорит, а я слышу в его голосе смешинки. Вся эта ситуация его забавляет.

– Я не позволю вытирать об меня ноги, – совершенно серьёзно предупреждаю.

– Это я уже понял и уважаю такую позицию. Ты будешь воспитывать моих детей, и я рад, что ты сможешь научить их постоять за себя.

– Научить? Боюсь, где я училась, Кара и Лина преподавали, – фыркаю, но всё же возвращаюсь к столу.

Беру договор, внимательно читаю. Вроде никаких кабаль-

ных условий там нет. Кроме неустойки, если откажусь работать без уважительной причины. Но, насколько мне известно, такие пункты часто включают в подобного рода договоры.

Я подписываю оба договора и один из них оставляю себе.

Как относиться к Филатову, ещё не решила, но точно буду стараться держаться от него подальше. Не знаю, чего он добивается, но у меня только одна цель – закончить учёбу.

Марианна всё же приносит чай. Ставит его на стол и подаёт мне чашку. Пить из неё я, естественно, не буду. Неизвестно, каким ядом отравлен напиток. И мне не хочется в этом разбираться.

– Я попрошу одну из горничных показать тебе дом. С девочками ты уже знакома. А нам нужно ехать в офис.

Киваю. Вот и отлично. Чем меньше контактов, тем лучше.

– Держи расписание, – он протягивает мне многостраничный талмуд с пометками и цифрами, а на мой удивлённый взгляд поясняет: – Там всё подробно, чтобы любая разобралась.

Неужели он и правда оставлял девочек со случайными одноразовыми нянями? Это же просто жестоко по отношению к ним.

– Ладно, разберусь.

Здесь делать мне больше нечего. Поднимаюсь и иду к двери, но там меня нагоняет ещё один вопрос.

– А что с тем мужчиной? Откачали?

– Мы очень старались, – отвечаю я и выхожу из кабинета.

Внутри всё дрожит. Так бывает, когда адреналин схлынул. Я иду обратно в холл, а сама незаметно растираю ладони.

Обычно это помогает. Обычно, но не сейчас. Взгляд моего нового начальника, его голос пробирают до мурашек в самом интересном месте.

За время работы на скорой у меня было много ситуаций, которые закалили нервную систему. И по идее я должна уже разучиться удивляться, но Филатову раз за разом удаётся вывести меня из равновесия!

У подножия лестницы меня ждёт миловидная девушка. Она улыбается мне.

– Привет! Ты новая няня? Я Настя. Полгода тут работаю, – тараторит она, не давая мне ни слова вставить. – Наконец-то хозяин нанял молодую няню. До этого всё чопорные гримзы были. Неудивительно, что девочки бунтовали.

Хм... а вот это интересно.

– А с кем они сейчас?

– Со второй горничной. Но ты не переживай. Она посмотрит за ними столько, сколько надо будет. У неё самой несколько братьев и сестёр. Так что она привычная.

– Получается, девочки только нянь кошмарят? Вас не трогают?

Настя запинается. Задумывается на минуту. На её живом

личике быстро меняются эмоции.

– Получается, что так, – говорит задумчиво.

По лицу вижу, что раньше она над этим никогда не задумывалась.

– Хотя нет. Месяца два назад одна из горничных присматривала за девочками неделю, а потом они подложили ей в постель змею, и она уволилась.

– Интересно.

– Ага. Она ещё так змей боялась! Даже фильмы с ними смотреть не могла. Сразу отворачивалась.

Горничная продолжает болтать, а я мысленно делаю себе пометку: ни в коем случае не говорить о своих страхах в этом доме. Уверена, история со змеей не случайность.

"А ведь Каре и Лине всего шесть!" – восхищаюсь я про себя.

Девочки не только умные, наблюдательные, но и талантливые. Жаль только, что все эти качества они направляют не в то русло.

За полчаса мы обходим весь дом. От высокого громкого голоса Насти в голове уже звенит. Я стараюсь не показывать, как меня тяготит её общество, ведь мне нужны союзники в этом доме.

– О, босс уезжает! – восторженно пищит моя проводница.

Я встаю рядом с ней и выглядываю в окно. Филатов с помощницей как раз садятся в машину. Ту самую, на которой он меня преследовал позавчера.

Он вскидывает голову в последний момент и смотрит прямо на нас. Настя с пискom прячется за штору, а я не стала. Никакого трепета перед ним у меня нет.

Уважение работает в две стороны. Боготворить босса только за то, что он платит мне, я не собираюсь. Особенно не после его выходки.

Эмоциональные качели, которые он мне устроил, меня совсем не радовали. Я не из тех женщин, которые любят на них покататься. Меня от такого тошнит.

Босс склоняет голову, я едва заметно ему киваю.

– Ну ты даёшь! – бормочет Настя рядом.

– Ты о чём? – хмурюсь я.

– Я от взгляда Матвея Георгиевича сразу замираю. Конечно, он красив, как языческий бог, но не хотела бы я, чтобы он обратил на меня внимание.

– Да? А вдруг он влюбится, и тебе больше не придётся работать? – я говорю шутливо, но Настя бледнеет.

– Ты что! Даже не думай об этом! – шепчет горничная. – Во-первых, вылетишь отсюда сразу, если начнёшь строить глазки боссу. Во-вторых, у него уже была жена, и теперь никто не знает, где она! Говорят, он убил её и спрятал тело. Вроде как она ему изменила. В-третьих, женщин он просто использует. Я сама не видела, но мне водитель рассказывал. Он возил их из городской квартиры несколько раз.

Настю уже откровенно трясёт. Она говорит и постоянно оглядывается. Я чувствую, что ей по-настоящему страшно.

– Ладно-ладно! Я просто пошутила! Не бери в голову.

Мои губы растягиваются в примирительной улыбке, но мне совсем не весело. Неужели я подписала контракт с монстром, который замешан в убийстве матери своих детей?

Миша упоминал что-то подобное, но я думала, он просто из ненависти так говорит. А выходит, его слова – правда?

Уютный светлый дом не кажется мне уже таким, как вначале. По стенам ещё, как назло, ползут тени.

"Это просто солнце зашло за облако. Ничего необычного!" – убеждаю себя, но холодок всё равно ползёт по коже.

– Хорошо, – облегчённо вздыхает Настя. – Ну, пойдём к детям? Нам с Наташей уже пора приступить к уборке. А то не успеем к приезду хозяина всё убрать.

Как я и думала, в доме всё работает чётко. Кухарка, с которой меня знакомит Настя, уже занимается обедом и готовится к ужину. У горничных висит план уборки дома. А садовник бродит в саду, укрывая розы.

Я же иду к детям в их спальню, чтобы приступить к своим обязанностям в качестве няни. В коридоре на первом этаже встречаю Наташу.

Мы перебрасываемся парой слов. Она оказывается милой девушкой. Скромной и даже немного забитой. Складываю вместе её поведение и наличие множества братьев и сестёр, за которыми девушка привыкла ухаживать, и получаю на выходе неблагополучную семью.

Девушка ведёт меня к двери девочек. У них одна спальня

на двоих. Это неудивительно. Близнецы часто неразлучны.

Наташа открывает дверь и тут же начинает громко, истошно кричать. Я оттесняю её и вижу близняшек, лежащих на полу с ранами на шее и лужей крови, разлитой по полу.

Горничная кричит прямо мне в ухо. Кипяток пробегает по венам, а потом приходит полное спокойствие. Я больше не растерянная неопытная няня. Теперь я фельдшер скорой помощи, студент педиатрического отделения.

Делаю два шага в комнату. Наклоняюсь к девочкам, и меня накрывает такое дикое облегчение, что я едва удерживаюсь на ногах.

– Наталья, не переживайте. Сейчас я зашью раны. Несите нитки с иглками, – уверенно говорю, а сама не свожу глаз с девочек.

Кара уверенно лежит, а вот грудь Лины резко дёргается. Ага, значит, я на верном пути.

– Что? – в слезах и панике спрашивает горничная.

Моё спокойствие и деловой тон делают своё дело. Её паника отходит на второй план, а вперёд выходит недоумение.

– Ничего страшного. Зашьём и нормально будет, – продолжаю я, а потом наклоняюсь к Лине и хватаю её за шею.

Не больно, просто неожиданно, и уже она начинает кричать. Распахивает глаза, отбивается как может.

– Смотрите, ожили! – возвещаю я на всю собравшуюся толпу.

В дверях толпятся домочадцы. Кухарка вообще с ножом наперевес прибежала. Бледная Настя едва стоит на ногах. А

Наташа, не выдержав, заваливается навзничь.

– Держите её! – кидаюсь к горничной, но не успеваю.

Она падает. С глухим стуком её голова касается пола, и она теряет сознание.

С пола встаёт Кара. Она тут же топает ножкой и тыкает в сестру пальцем.

– Ты всё испортила, Лина! – капризно тянет, не обращая внимания ни на Наташу без сознания, ни на всех остальных.

– Я ничего не портила! – в тон ей отвечает сестра. – Просто не хотела, чтобы меня нитками зашивали. Это больно!

– Да не стала бы она тебя зашивать, – уже не так уверенно отвечает ей Кара.

Обе девочки абсолютно невредимы. Раны, как и кровь, просто бутафория. Качественная, хорошая бутафория. Да, те, кто не имел дела с медициной, могли испугаться. Наташа тому явный пример.

Но я не раз выезжала на более страшные вызовы. Настоящие раны выглядят не так.

– Замолкните! – рявкаю я на мелких пигалиц. – Вы хоть немного думаете о последствиях, когда решаете устраивать здесь представление!?

Девочки переглядываются. Такое я уже видела в парке. Они словно общаются между собой. Лина выглядит виноватой, но Кара её подбадривает. Выступает вперёд.

– Отцу расскажешь? – нагло спрашивает. – Он нас ругать не будет!

Я бросаю на девочку строгий взгляд. Будь моя воля, я бы уже задрала их платица и отшлёпала каждую! Непедагогично и неправильно, знаю! И я бы никогда так не сделала. Но желание такое есть.

Кара что-то такое замечает в моем взгляде. Она берёт за руку сестру и вместе с ней садится на кровать.

– Вызывайте скорую, – прошу кухарку, она единственная сохраняет самообладание. – Нужно поднять ей ноги и подложить плед под голову.

Позиционирую потерявшую сознание горничную. Она понемногу приходит в себя.

– Нужно сообщить Матвею Георгиевичу о случившемся, – заикается Настя.

Я оборачиваюсь на детей. Похоже, до них стало доходить, что они сделали и к чему всё это привело.

– Давайте отправим Наталью в больницу, ей нужно сделать снимок, чтобы исключить сотрясение, а потом позволим ему.

Как-то легко я беру командование персоналом на себя. Никто из них не хочет звонить Филатову. Они явно его опасаются, а ещё дорожат работой.

Я привожу горничную в сознание. Помогаю ей встать и веду на первый этаж. Передаю в руки бригаде скорой помощи, а потом возвращаюсь к детям.

Они тихо о чём-то спорят, но, когда я захожу в комнату, резко замолкают.

– О чём вы думали? – спрашиваю, оглядывая комнату.

Она выглядит жутко. Особенно для Насти, которой предстоит тут убирать.

Девочки молчат.

Смотрю на них тяжёлым взглядом. Мне действительно интересно, почему они так ненавидят нянь и зачем устраивают подобные провокации? Неужели им нравится постоянно привыкать к новым людям? Или причина в другом и девочкам банально скучно? С жиру бесятся?

Ответа я так и не дожидаясь.

– Я попрошу Настю принести вам тряпки и вёдра, – в итоге говорю им: – Вы тут всё испачкали – вам и убирать.

Собираюсь выйти и понимаю, что я действительно злюсь на этих детей. Собираясь стать их няней, я знала, на что шла. Уже в парке мне было понятно, какие они непоседливые и вредливые, но это...

Это уже слишком. Плевать на пол и покрывала, которые испачкались от гелевого красителя. Дело не в них.

То, что они устроили, – жестокая шутка, от которой пострадала горничная.

– Лиля, подожди! – останавливает меня тихий голосок Кари. – С Наташей всё хорошо?

Девочка выглядит виноватой. Неужели дошло?

– Пока неизвестно, но она могла серьёзно пораниться, – вздыхаю я. – Наташа ударилась головой и несколько дней проведёт в больнице.

Лина судорожно всхлипывает. Одинокaя слеза скатывается по её щеке, и на смену злости приходит жалость.

– Мы можем принести ей цветы? Я видела такое в фильме про больницу, – спрашивает старшая сестра.

– Думаю, можете. И вы должны извиниться перед ней.

Девочки кивают. Настя уже тащит тележку с моющими средствами по коридору. Я выдаю каждой из девочек по ведру и тряпке. И они без разговоров, как могут, убирают разлитую жидкость.

Горничная забирает весь испачканный текстиль, стелет новый. Через час комната сияет чистотой.

Я отвожу детей на кухню, прошу кухарку сделать им пару чашек какао, а сама выхожу на террасу, чтобы позвонить Филатову.

Он должен знать о случившемся. По крайней мере, о Наталье, которую увезли в больницу прямо из его дома. Говорить с боссом мне не хочется. С утра хватило!

Телефон звонит у меня в руке. Смотрю на экран.

– Вспомни заразу – появится сразу, – бормочу, собираясь ответить.

Но звонок обрывается, а из-за поворота террасы выходит злой как чёрт Филатов с трубкой в руке.

– Кого это ты имеешь в виду? – холодно уточняет, сверля меня неприязненным взглядом.

– Кого это ты имеешь в виду? – повторяет тихо Филатов.

Я так устала за эти два часа, что мне уже на всё плевать.

– Спамеров. Кого же ещё? – вру, глядя ему в глаза. – Вы звонили? Что-то хотели?

– Хотел узнать, какого чёрта тут происходит? – рычит босс, явно заметив мою ложь. – Мне звонили из образовательного центра. Девочек нет на подготовке к школе. Я решил выяснить, где вы, и позвонил водителю. Он сообщил, что одну из горничных забрала скорая.

– Я как раз собиралась вам звонить.

– Собиралась? Ты должна была позвонить сразу, как начались проблемы!

Филатов делает шаг ко мне. Нависает. А я стискиваю зубы, чтобы не высказать, где я видала его барские замашки.

– А вы ничего не должны? Не мне, а своим детям!?

– Я и так делаю для девочек всё, что могу! – огрызается босс и ещё ближе подходит.

Мне приходится задрать голову, чтобы смотреть прямо в его лицо. Отступать я не собираюсь. Меня уже воротит от его непоколебимой уверенности в своём превосходстве.

– Значит, недостаточно делаете!

– А может, я просто ошибся, когда взял тебя на работу? И ты ни черта не смыслишь в детях и субординации?

Мы оба дышим, как звери, готовые к броску. Пар от нашего дыхания окутывает наши фигуры.

– Думаете, раз платите мне, так я должна на цыпочках перед вами ходить?! – не выдерживаю и начинаю кричать.

У всего есть предел. Мой давно пройден. После всего что я пережила за последний час, мне приходится ещё выслушивать всякий бред от этого бесчувственного самовлюблённого самца!

– Да! Должна! Если я скажу прыгать на месте, ты будешь без разговоров прыгать на месте! Это понятно?

В голове крутятся слова, но цензурных среди них нет. Только междометия и отборный мат. Тормоза отказали у обоих, и теперь мы готовы наговорить друг другу то, чего без эмоций не стали бы. Умом я это понимаю, но ничего поделаться с собой, а тем более с ним, не могу.

Только собираюсь открыть рот, но замечаю две любопытные мордашки в окне. Не знаю, насколько хорошие уплотнители и что они могут слышать, но решаю сделать глубокий вдох и промолчать. Пока.

Каких мне это сил стоит, только высшие силы знают.

– Мы можем поговорить в спокойном месте? – я киваю на девочек. – Не стоит вам ронять мой авторитет, а мне ваш перед детьми. Это неправильно.

Он ещё минуту гипнотизирует меня своим тяжелым холодным взглядом, но потом кивает. Я иду за ним в библиотеку на первом этаже. Стеллажи книг окружают два дивана

в центре комнаты.

Они развёрнуты друг к другу, а между ними столик из массива ореха, на котором стоит ваза с мандаринами.

Сажусь на диван, закидываю ногу на ногу. В таком интерьере мои джинсы кажутся неподходящими. На этом кожаном диване лучше бы смотрелось дорогое коктейльное платье.

Злость всё ещё клоочет внутри, но уже не съедает заживо. Кожа холодит мои ладони, отвлекая от колючего разговора, который придётся продолжить.

– Так что произошло? – Филатов подходит к панорамному окну, смотрит на задний двор. – Я жду объяснений.

– Девочки подготовили шикарную встречу для меня. Вы, случайно, не знаете, откуда у них искусственная кровь?

Он прикрывает глаза на секунду, а потом садится напротив. Одним движением откидывает волосы, упавшие на лоб. Сейчас он кажется более человечным и простым, чем раньше.

– Всё так ужасно? – вздыхает, глядя на меня.

– Выглядело жутко. Я даже на автомате сфотографировала. Хотите посмотреть?

Вытаскиваю телефон из кармана, привычным жестом открываю галерею и протягиваю ему. Филатов бросает взгляд на экран и вздрагивает.

Даже не просто вздрагивает, а дёргается всем телом. Отшатывается. И это реакция в который раз доказывает, что он

любит своих дочерей.

Несмотря на все их выходки, на проблемы с персоналом, на то, что ему приходится бросить все дела и ехать домой. Он их любит.

Забираю телефон и удаляю фото. Не стоит отцу близняшек видеть такое. Это слишком жестоко. Не каждый медик выдерживает жуткие картины. Многие ломаются, уходят из профессии или начинают снимать стресс алкоголем.

А другие привыкают, относятся проще. Нервы закаляются, и у них получается закрывать глаза по ночам и не видеть то, что они видели днём.

– Мне надо выпить, – хрипло говорит Филатов и встаёт, чтобы подойти к бару.

Я не осуждаю. Просто жду, пока он плеснёт себе в бокал и сядет обратно.

– Они и раньше устраивали многое, но такое в первый раз, – говорит босс, с силой сжимая переносицу. – Боже, кого я из них выращу?

– Умных молодых женщин, – отвечаю ему. – Не берите в голову. Для них все эти темы ещё ничего не значат. Они не понимают, что такое жизнь и смерть. Наверняка увидели какое-то видео и решили повторить. Откуда только реквизит взяли?

– Это как раз просто. У нас проходила вечеринка на Хэллоуин. Марьяна закупала украшения и прочую дрянь. Там было что-то такое.

Киваю. Вот и объяснение.

– Понятно. Я, пожалуй, вернусь к своим обязанностям.

Встаю с дивана, иду к выходу. А в голове опять крутится одна-единственная мысль: нам стоит поменьше встречаться.

Он поднимается следом, хватая меня за руку и разворачивает к себе.

– Подожди. Я ещё не закончил!

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новую историю от Веры Рэй и Лили Джейн!

<https://litnet.com/shrt/SRrl>

“Наш папа - самый лучший. Но нам нужна и мама”

АННОТАЦИЯ:

– Это, правда, ты?! – сзади прозвучал тоненький детский голосок.

– Ш-ш-што? – медленно обернулась. Так вот кто меня преследовал? Сердце стучало так бешено, что я ощущала неприятную вибрацию в ребрах.

– Ты моя мама? – взгляд голубых глаз внимательно меня разглядывал.

– Милая, ты меня с кем-то путаешь! – ласково улыбнулась в ответ.

– Нет, точно не путаю. Смотри! – девочка вынула из кар-

мана сложенный в несколько раз лист А4.

Дочь хочет знать, как выглядит ее мать, а все старые фото давно выброшены? Не проблема – фоторобот в помощь. Но теперь у меня другая проблема! Дочь нашла девушку, которая выглядит точь-в-точь, как та, которую я выдумал!

Матвей

Дёргаю её на себя. В глаза заглядываю. Я повёл себя как козёл. Наорал, обвинил, унизил.

Внутри шевелится чувство вины. Привычно давлю его. Это не поможет. Только холодный, чистый рассудок.

В бледно-зелёной радужке вспыхивают искорки. Наклоняюсь ниже, чтобы рассмотреть, но Лилия не даёт мне такой возможности.

– Мне нужно идти. Вы же мне не за разговоры деньги платите.

Обиделась. Показала зубки и коготки, но справилась с эмоциями и меня остудила. Интерес, до этого дремавший внутри, снова встрепенулся.

– Верно. Не за это. Я хотел извиниться за свои слова. Мне не стоило, не разобравшись, обвинять тебя.

Её губы изгибаются крылом ласточки. Первый раз вижу такие. Она вся состоит из редких диковинных черт. А ещё у неё всё натуральное. Глаза, скулы, губы и... Взгляд сам собой опускается на два холма под простой футболкой.

Они мерно вздымаются при каждом её вдохе.

С трудом отрываю взгляд от прекрасного зрелища. Либо у слетел с катушек, если рассматриваю грудь няни моих детей и по совместительству шпионки конкурента, либо у ме-

ня давно не было женщины.

Определённо, второе.

Меня раньше никогда не тянуло на простушек.

– Не слишком ли часто вы сегодня извиняетесь, Матвей Георгиевич? – усмехается. – Мне показалось, вы вообще этого не умеете. Признавайтесь, как часто вы это делаете с одним и тем же человеком?

Никогда. Мне раньше не приходилось извиняться никогда. Особенно два раза подряд.

– Нечасто.

– Я так и думала.

Она мягко высвобождается и выходит из библиотеки. Я возвращаюсь к бокалу, сажусь на диван и набираю одной из временных девушек.

– Сегодня свободна? – без приветствий и флирта.

Отношения на коммерческой основе – быстро, удобно и понятно. Не нужно тратить драгоценное время на обхаживания незнакомки, а потом после выслушивать истерики или упрёки.

Я никогда им ничего не обещаю, но они всё равно на что-то надеются.

– Да, Тим. Свободна, – глубоким грудным голосом отзывается Лика. – Заедешь?

– Как обычно, – отвечаю и сразу сбрасываю.

С ней всё понятно и просто. Никаких обид или ожиданий.

От сообщений разрываются чаты. Марьяна рвёт и мечет,

ведь я сорвался прямо с совещания, и она уже не знает, что говорить сотрудникам. Я быстро перечитываю её сообщения и морщусь.

Похоже, придётся менять личную помощницу. Жаль. Марьяна меня устраивает по всем пунктам. Сообразительная, быстрая, ответственная. И если бы она не путала работу и личное внимание, всё осталось бы как есть.

Но с каждым днём я всё больше замечая, что она много на себя берёт.

Водитель уже заждался меня у заведённой машины. Я сажусь в уютный салон, гляжу на окна кухни. Там дети сидят перед чашками с какао и виновато переглядываются.

Фотография всё ещё стоит перед глазами. Да уж, таланта им не занимать. Чувство цвета, композиции. Хотя чего ещё ожидать от детей художницы?

Воспоминания о бывшей жене вызывают зубной скрежет. Я сразу задвигаю их подальше. Не хочу даже думать об этой суке.

Она – пример того, что бывает, если дать женщине слишком много внимания и свободы.

Город понемногу заполняется машинами. Пробки набирают обороты. Приходится толкаться по шоссе. Что меня невероятно злит.

– Поезжай в больницу. Узнай, что там с горничной. Пусть её в отдельную палату положат и лекарства хорошие подберут. Расходы на лечение я оплачу.

Мои дети устроили ей место в больнице, и я обязан нести за это ответственность.

Собрание проходит паршиво. Рабочего настроения ни у кого нет. С таким настроем «слона не продать». После подзываю начальников отделов и выдаю всем деньги на корпоратив.

Пусть люди отдохнут и с новыми силами приступят к плану.

– Тим, ты готов ехать?

Марьяна каждое утро приезжает ко мне домой, там оставляет машину. Иногда, если мы сильно задерживаемся, я позволяю ей переночевать.

– У меня ещё дела в городе. Возьми такси.

Она пытается удержать лицо, но у неё это плохо получается.

– Поедешь стресс сбрасывать? – весело тянет она.

– С каких пор я должен перед тобой отчитываться? – холодно отзываюсь.

Наблюдения верные. Она слишком много на себя берёт.

– Удачи! – бросает, подхватывает сумку и выходит.

В голосе звучат плачущие нотки. Как же меня всё это достало! Ну почему я должен нести ответственность за фантазии настырных баб?

Это выше моего понимания!

Выхожу из бизнес-центра. Прохожу несколько домов и ныряю в подъезд одиноко стоящей башни. Лика очень удач-

но снимает квартиру.

Поднимаюсь на нужный этаж. Она открывает после первого звонка.

Томно опирается на дверь, выставив вперёд накачанные буфера четвёртого размера. Шёлковый халатик едва скрывает соски. Никаких неудобных вычурных платьев, никакой кричащей помады.

Очень удобно для меня.

Не зря она считается элитой эскорта. Лика всегда знает, как угодить клиенту.

Обвиваю талию, затаскиваю её в квартиру.

Ещё одна книжечка из нашего литмоба:

Эта мама нам подходит 16+

<https://litnet.com/shrt/92B9>

Лана Легкая

Я собиралась встретить Новый год в компании друзей. Выпить бокал игристого, похвастаться платьем и наконец познакомиться с тем «идеальным парнем», которого мне рекламировали уже месяц.

 Но, как обычно, все пошло не так.

 Таксист перепутал адрес, телефон почти сел, навигатор показывал, что мы едем по руслу реки — и я оказалась на пороге чужого дома. Дверь открыл угрюмый тип в свитере со снеговиком, ухватил за ворот и

уверенно объявил, что я... няня?! И через минуту умчался на своем внедорожнике. А я осталась в компании пятилетки в костюме снежинки, и та решила, что теперь я ее новая подруга.

 Это будет худший Новый год! Или самое правильное, что со мной случилось за всю жизнь?..

Лица старается мне угодить. Сползает по телу вниз, выгибает спину, отставив пятую точку. Смотрит томно. Но какого-то чёрта меня всё это совершенно не трогает.

Все её старания уходят в песок. Никакого желания к ней не возникает. Хотя обычно я прихожу уже готовый. И это бесит.

Мне нужно что-то стабильное. Что-то обыденное, чтобы перезагрузиться. Отвлечься от всего того дерьма, что происходит вокруг меня. Сбросить напряжение и идти дальше.

Полумрак спальни не успокаивает. Наоборот, нервирует. Она облизывается, бросает на меня хищный взгляд, и на один миг кажется, что у неё прозрачные светло-зелёные глаза.

Тело прошибает током.

Присматриваюсь. И понимаю: мне показалось.

У Лики карие глаза и тёмные волосы. Никаких зелёных глаз и красных нитей в волосах нет.

Желание, и без того слабое, пропадает окончательно. Какого чёрта я думаю о другой недоступной мне женщине во время секса?

Раздражение зудит под кожей.

– Подожди, – останавливаю её.

– Что-то не так? – улыбается зазывно.

– Нет, просто... – как объяснить моё помешательство? – Я сегодня устал.

Оправдание так себе. Только ничего другого у меня нет. Мне самому непонятно, что происходит в моей жизни.

– Ничего, я помогу тебе расслабиться. Ложись, сделаю массаж.

Кидаю взгляд на постель. Туда совершенно не тянет. Хотя я не вру и действительно дико устал.

– В другой раз. Визит я оплачу, но не останусь.

Лица не истерит, провожает до двери. Целует на прощание. Её сладкие духи вызывают тошноту. Хотя раньше мне это нравилось.

Сейчас же я везде ищу другой запах. Обычного цитрусового шампуня и старых книг.

Водитель ждёт меня у подъезда. Сажусь в машину.

– Как горничная? Ты всё сделал?

Он кивает.

– Наталья в отдельной палате. У неё сотрясение. Ей придётся полежать около недели. Прогноз хороший.

Откидываюсь на спинку сидения.

Чёрт возьми! Мои дети покалечили человека. С этим знанием мне придётся как-то жить. И что-то делать.

Похоже, Лиля права и я недостаточно уделяю внимания их воспитанию. Сначала их выходки были безобидными. Кнопки на стульях, отказ слушаться няnek. Они сбегали из-под их присмотра, хамили, подкладывали змей и пауков.

А я закрывал на всю эту хрень глаза.

Занимался бизнесом, спортом, своей личной жизнью. Короче, всем подряд, только не их воспитанием. На это у меня отведён час с утра и один выходной в неделю.

Этого мало. Бесконечно мало.

Каролине и Ангелине всего шесть. Страшно подумать, что они придумают, когда станут старше.

Дороги свободны. Мы доезжаем до дома быстро. В окнах первого этажа горит свет, а второй окутан мраком. Так всегда, когда я возвращаюсь. Дети спят, и можно спокойно почитать в тишине.

Обычно мне это нравится, но сейчас почему-то тоскливо.

– На сегодня ты свободен, – отпускаю водителя, иду в дом.

Два крыла, два этажа. Потолки по три метра. Его строили по модному эскизу моей жены. Я не спрашивал, зачем нам балконы в Подмоскovie, где по девять месяцев холодно. Не спрашивал, на кой чёрт строители делают плоскую крышу, если в нашем регионе с этой крыши надо чистить снег.

Меня интересовало только, насколько будет счастлива моя жена. Мать моих девочек.

Я давал ей всё, что мог и не мог. Пока не застал в постели с лучшим другом.

Каким же идиотом надо быть, чтобы верить в дружбу между мужчиной и женщиной? Таким, как я. Слепым и глухим.

Это моя ошибка. Я относился к ней как к совершенству, мраморной статуе. Поставил на пьедестал, полировал и вос-

хищался. Но под тонкой корочкой мраморного напыления оказалось обыкновенное дерьмо.

Ну что ж. Каждый должен платить за свои ошибки.

Толкаю дверь, захожу в гардероб. Раздеваюсь. На обувнице стоят простенькие кроссовки новой няни. Чистые, ухоженные, но потрёпанные временем.

Интересно, почему Морозов её не содержит? Сама отказалась или он не предложил? Не похожа она на девушку успешного айтишника.

История Морозовых гремела в своё время. Сын пошёл против отца и всё потерял. Никто не хотел с ним связываться в нашей среде. Я в том числе. Но он сумел взять себя в руки, получить новую профессию и подняться.

Не до таких высот, какие были при отце, но всё же на нормальную обувь для девчонки он зарабатывал. Так какого хрена ей приходится таскать обноски?

Этот момент выбивался из простой картины моего мира.

Иду к девочкам, обдумывая эту мысль. Они, как я и предполагал, спят. Каролина хмурится во сне, а Ангелина прижимает к себе зайца. Потрёпанного, заштопанного в некоторых местах, посеревшего от времени зайца.

Подарок их матери на прощание. Нужно было сразу выбросить, но рука не поднялась.

Теперь вот приходится смотреть на него ежедневно.

Выхожу из комнаты, иду по коридору. Под дверью моего кабинета горит свет. Значит, я не ошибся. На языке нежиз-

данно появляется горечь.

На столе в кабинете лежат липовые документы. Специально для неё. Пусть Лиля смотрит их, фотографирует или что она ещё с ними может сделать? Плевать...

Только почему-то внутри свербит от предательства.

Хочу пройти мимо, но неожиданно для себя распахиваю дверь. Как я и ожидал, новая няня роется в ящике стола, а увидев меня, испуганно вздрагивает.

– Что ты здесь делаешь? – холодно интересуюсь, хотя внутри всё горит.

Дорогие читатели!

Приглашаю в новинку Ксении Хиж

<https://litnet.com/shrt/F3EM>

Папа, эта няня - бомба!

Женский роман, романтическая комедия

Аннотация:

##Что вы сделаете ради работы мечты с зарплатой «космос»?

Которая поможет начать жизнь заново после унижительной измены и развода?

Я вот надела уродливый парик, очки в пол-лица и накладной живот, чтобы устроиться в клинику к пластическому хирургу Родиону Астахову, мужчине, который на дух не пере-

носит красоток в качестве своих сотрудников.

Гениальный план? Еще бы!

Пока я любовалась собой в зеркале уродки, его юная дочь застукала меня за поправлением второго подбородка. Казалось, всё пропало...

Но судьба подбросила джекпот!

- Моя дочь к вам прониклась, я видел в камеру видеонаблюдения. Я беру вас на работу...в качестве няни.

- Но...

- Зарплата в три раза выше. Проживание в нашем загородном доме. Отпуск с нами пять раз в год за мой счет. И никаких личных отношений. Согласны?

С таким красавчиком? Завидным холостяком и миллионером? Конечно!

Вот только как сохранить секрет и не влюбиться в этого загадочного и невыносимо привлекательного мужчину, когда ты вынуждена жить с ним под одной крышей?

И что он скажет, если однажды парик слетит в самый неподходящий момент?

Лилия

Дверь резко распахивается. Я вскидываю голову и попадаю под прицел холодных глаз. Сердце делает отчаянный удар, а потом заходит в припадке.

Зачем так пугать? Он бы ещё выскочил из тёмного угла мне навстречу.

– Что ты здесь делаешь? – интересуется он.

Голос неласковый.

Вскидываю бровь. А потом оглядываю стол. Блин, я так увлеклась поиском ручки, что залезла в чужие вещи. И не просто чужие, а в вещи стоящего передо мной мужчины со светящимися от ярости глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.